

ПОСЛАНИЕ ПО СЛУЧАЮ, ИЗВИНИ, ЮБИЛЕЯ

Дорогой Рустам!

Сегодня общеизвестно, что ты — почти классик (почти — это что-то не получалось слишком уж торжественно). Что на твоём творческом счету выдающиеся фильмы, талантливая проза, пьесы, за которыми охотятся режиссеры. Что находят все большее признание твои собственные режиссерские опыты. Глубокое уважение вызывает твоя подвижническая работа по сохранению, сбережению уникального богатства, каким, несомненно, было и остается общее культурное, кинематографическое пространство государств бывшего СССР. Нынче это понимают, кажется, все нормальные люди, но ты понял раньше других, а не случись этого — неизвестно, как сложилась бы судьба Конфедерации союзов кинематографистов, являющейся на сегодняшний день структуру прочную, стабильную и очень существенную для кинематографистов стран СНГ и Балтии. Ты — четырежды лауреат Государственной премии, удостоен других наград, званий, которых не искал, которые сами нашли тебя по непреложной творческой, человеческой справедливости. Продолжать не буду — в дни юбилея ты услышишь про свое творчество, про

общественную деятельность много добрых и правильных слов. А мне хотелось бы еще о другом.

Тридцать лет назад, когда я впервые приехал в Баку как корреспондент «Комсомольской правды» с заданием написать о творческой смене, ты не был почти классиком, а был молодым литератором с хулиганскими наклонностями, находящимся на идеологическом подозрении у начальства. Мало ли в ту пору тебе приходилось принимать гостей, мало ли я ездил в командировки?.. Но вот случилось, произошло нечто между тобой, мною, твоим замечательным братом Максудом (сейчас он болен, дай ему бог окончательно поправиться поскорее) завязалась дружба на всю последующую жизнь, вообще-то не бедную событиями и знакомствами.

Встречались чаще, реже — в Москве, в Баку, в Париже, в Лос-Анджелесе или, к примеру, в Варшаве, где я работал несколько лет и куда вы с Максудом после долгих переговоров и проволочек однажды все-таки выбрались. Это был короткий, но емкий период нашей с женой Ирой польской эпопеи, оставивший в памяти след, по крайней мере, не менее яркий, чем рождение «Солидарности» или введение военного поло-

жения. Период, после которого Ира, наверное, с месяц еще находила пустые бутылки из-под пива и водки в самых неожиданных закоулках нашей обширной варшавской квартиры.

Ну, а если всерьез: ожидание дружеского общения, само оно, великолепно, неспешно длящееся, воспоминание о нем — из тех немногих ценностей, которыми стоит по-настоящему дорожить. Чем дольше живешь, тем эта простая истина становится для меня все безусловней. Большая удача, когда есть на свете несколько человек, на которых можешь положиться в любое время и в любых обстоятельствах. Мне выпала такая удача.

Дорогой Рустам! Я тебя люблю за старомодное благородство твоих понятий о дружбе, за надежность и верность, за способность так помогать людям, что они не чувствуют себя обязанными, а чувствуют настоятельную внутреннюю потребность ответить тебе тем же при первом удобном случае. Я люблю тебя за то, что ты умеешь прощать ошибки и слабости, а вот предательства прощать не умеешь.

Кажется, все же получилось отчасти торжественно и высокопарно. Ну, ничего. Один раз можно.

Константин ЩЕРБАКОВ